

формируется как ценностно наполненное понятие. Оно не только географическое, оно обладает идеей, и внутренне глубоко осмысленно автором. Смысл, русская идея уже сформулирована, и это осознается и проверяется на историческом пути, в данном случае древнерусским автором.

Что можно сказать еще о языческих образах? Как действует природа? Затмение и все явления природы действуют согласно. Если это языческое мироощущение, миропонимание, то не должно быть такого согласия. Если по дороге на половцев Игорь встречает предупреждающие, останавливающие, знамения, то путь возвращения очень короткий. Все способствует тому, чтобы Игорь вернулся. Такие моменты свидетельствуют о теоцентрической картине мира, которая воплощена в произведении. Это глубоко христианский текст. У Ужанкова Александра Николаевича, есть интересные наблюдения, совершенно потрясающие. Исходя из мысли о том, что надо помнить об историческом контексте и учитывать сознание древнерусского человека этого периода, он посмотрел в церковный календарь. Первое мая затмение. 1 мая – день пророка Иеремии. Открывает «Плач пророка Иеремии», сопоставляет идейно и содержательно. Он обнаруживает там идею покаяния и возвращения, то есть, не несения плена. Делает глубокий текстологический анализ, обнаруживает сходство в сюжетном движении, в образной системе и так далее.

Таким образом, аксиоанализ духовного пространства текста позволяет установить, что языческие образы в христианском контексте преображаются, наполняются ценностной семантикой, свойственной христианскому взгляду на мир человека. Если они не могут преобразиться, возникает проблема канона. Это очень интересная проблема, она еще только открывается нам в своей глубине. Мне здесь близка точка зрения П. Флоренского, что канон есть сгущенный опыт человечества, то, что открылось; значит, та истина, которая открыта. Это принципиально важный для момент понимания канона, который по нынешним временам превращен в некий формальный набор. Но канон всё-таки связан со священным писанием и священным преданием. А священное предание есть священное предание. Оно связано с особым типом сознания и с особой традицией, ведь традиция как предание и переводится.

Выступление А.В. Коротких (Полоцк, ПГУ) на тему
«Возможности обогащения литературоведения методами смежных наук»
 на первом международном научном семинаре «Филологическая наука: история и современность, школы и методы, проблемы и перспективы» (11.04.2008 г., Полоцк)

С заявленной темой мы связываем несколько вопросов.

1. Какие науки по отношению к литературоведению можно назвать смежными?
2. Что может перенять литературоведение у других наук?
3. Что подразумевается под словом «обогащение», когда мы говорим о взаимодействии литературоведения с другими науками?

Оговоримся сразу: на эти вопросы у нас нет готовых ответов, наши предварительные выводы – приглашение к обсуждению.

Какие науки по отношению к литературоведению можно назвать смежными? На этот вопрос есть, как минимум, два ответа.

1. Любые науки, а также философия являются смежными не только по отношению к литературоведению, но и по отношению друг к другу. Во-первых, все науки созданы человеком, другими словами, субъектом познания во всех науках выступает человек. Во-вторых, все науки, в том числе точные и естественные, выражают познанную ими картину мира словами. Даже если наука использует свой язык формул или специальных символов, она вынуждена для объяснения того, что записано этими символами, порождать тексты. Таким образом, литературоведение может взаимодействовать с любой наукой, используя ее тексты, если сочтет это целесообразным. Например, для понимания художественного мира Николая Заболоцкого или Михаила Пришвина может потребоваться изучить философские труды русских космистов, работы астрономов, физиков и биологов.

2. Смежными по отношению к литературоведению являются гуманитарные науки: лингвистика, искусствознание, история общества, культурология, семиотика, социология, психология, богословие. Все эти науки изучают в качестве объекта человека и тексты, им созданные. Следовательно, один и тот же текст может быть рассмотрен со специфических позиций всех этих наук, литературоведческая интерпретация станет только одной из многих в ряду полученных другими науками.

Что может перенять литературоведение у других наук?

1. Методы, то есть пути исследования. В истории литературоведения такие заимствования случались многократно. Вспомним, например, психоаналитический и социологический подходы, структурализм.

2. Данные, теории, концепции. Здесь наиболее тесной является связь литературоведения с лингвистикой и, пожалуй, историей общества и историей культуры, если иметь в виду проблемы изучения литературного процесса, истории литературы.

Что подразумевается под словом «обогащение», когда мы говорим о взаимодействии литературоведения с другими науками?

Нуждается ли литературоведение в обогащении? Может ли литературоведение познать свой объект без привлечения данных и методов других наук? Под объектом литературоведения мы понимаем литературное художественное произведение, представляющее собой идейно-эмоциональное содержание, выраженной в эстетически значимой форме. Литературное произведение является результатом взаимодействия созданного автором текста и читательского восприятия. Так вот, может ли литературоведение самостоятельно познать этот объект? Ответ очевиден. Литературовед может остаться с текстом наедине и, не прибегая ни к каким дополнительным источникам, оперируя своим литературоведческим инструментарием, объяснить, в чем заключается художественный смысл данного текста, каковы эстетические особенности его формы.

Однако литературоведение на этом не останавливается. Говоря терминами историко-контекстуального подхода, разрабатываемого А.А. Гугниным, с уровня изучения «текста как такового», «просто текста» литературовед поднимается на другие уровни, расширяя контекст исследования. Это расширение необходимо потому, что получить достоверное знание о литературе возможно только сопоставляя конкретный объект познания с другими подобными или контрастными по отношению к нему объектами. Постепенно объектом исследования науки о литературе становится литературный процесс, включающий в себя не только непосредственно тексты, но и различные формы литературной жизни. Так, например, невозможно понять своеобразие поэзии русских символистов без постижения теории жизнестроительства.

Поиск истины заставляет литературоведа думать о личности художника, о природе литературного творчества, о специфике искусства в ряду других видов культуры, об общественной значимости словесности и о многом другом, что *по необходимости* приводит его к методам и данным других наук. Но всегда ли эти науки обогащают литературоведение?

Мы полагаем, что надо различать два рода исследований.

1. Исследования, в которых литература выступает средством или материалом для познания чего-либо другого (состояния культуры на определенном этапе, особенностей речи, мышления человека и т.п.). Здесь вопрос об обогащении литературоведения снимается, потому что подобные исследования выходят за рамки науки о литературе. Правда, ученый, работающий с художественным текстом и ничего не понимающий в литературоведении, должен быть готов к провалу. Нельзя безоговорочно доверять выводам о закономерностях жизненной реальности, полученным в результате наблюдений над реальностью художественной. Художники изображают мир пристрастно, - за это мы их и ценим.

2. Исследования, в которых литература является объектом познания. В подобных исследованиях данные и методы других наук должны привлекаться оправданно, не подменять объект познания, не убивать эстетическую природу литературного произведения.

Рассмотрим на примерах тонкости применения выдвинутого принципа.

1. Поповская (Лисоченко) Л.В. Лингвистический анализ художественного текста в вузе: Учеб. пособие для студ. филол. фак-тов. – 2-е изд., доп. и перераб. – Ростов н/Д: Феникс, 2006. В данной книге для исследования литературных произведений применяется когнитивно-концептуальный анализ. Литературоведческая терминология при анализе рассказов Шукшина, Шолохова, Чехова не используется. Эстетическая природа произведений игнорируется. Произведение искусства сводится к статусу «языкового материала». Так, при разборе рассказа Шукшина «Охота жить» анализ композиции системы персонажей подменяется разбором мотивов их поведения так, как если бы это были реальные люди, а сам рассказ был бы милицейским протоколом. «Смысл концепта *воля* как раз и представляет собой один из фрагментов содержательно-концептуальной информации текста. При равной «охоте жить» в рассказе нет победившего: парень убил старика, но затем, скорее всего, сам погибнет, заблудившись в тайге. Это становится ясным по окончании чтения рассказа. Однако читатель, потрясенный фактом убийства и тем, что парень-то жив, а старика он убил, думает: победил тот, у кого «охота жить» оказалась сильнее. Сильнее она оказалась у парня. Поэтому он рвался из тюрьмы на волю, поэтому, вырвавшись, не смог отдать то, к чему стремился, - волю (свободу), поэтому убил, а сам выжил. Значит, концепт *воля* оказывается главным в смысловой структуре текста, понятие «воля» несет концептообразующие смыслы» (182 – 183). Анализ концептов в этом пособии выполнен отлично, а вот анализ литературных произведений вызывает вопросы.

2. Руднев В.П. Винни Пух и философия обыденного языка. – 3-е изд., доп. испр. и перераб. – М.: Аграф, 2000. Автор исследования называет свой подход аналитическим, имея в виду синтез аналитических парадигм философского анализа языка и текста, которые были разработаны в XX веке. Повести Милна о Винни Пухе получают интерпретацию с точки зрения мифологизма, психоанализа, характерологии, теории речевых актов, концепции семантики возможных миров. Вопрос о том, замысливал ли сам автор подобное содержание в своем произведении, и вопрос о том, какое из этих толкований правильное, –

снимаются. Все интерпретации построены на наблюдениях над текстом, обоснованы, логически непротиворечивы. Читать работу Руднева интересно. Захватывает дух от ультрасовременности такого литературоведения. Но вот вопрос, каким будет результат, если подвергнуть подобному аналитическому рассмотрению, скажем, «Один день Ивана Денисовича»?

В конце сообщения принято подводить итоги, делать выводы. Но мы не можем этого сделать, потому что у нас этих окончательных выводов нет. Ясно, что литературоведение обязательно будет взаимодействовать с другими науками. И ясно также, что вопрос о том, насколько эти другие науки обогатят литературоведение, остается открытым.

Выступление Т.М. Гордеенок (Полоцк, ПГУ) на тему
**«Особенности преподавания иностранного языка
 в рамках специальности "Романо-германская филология"»**
 на международном научном семинаре «Романо-германская филология в контексте
 гуманитарных наук и проблемы подготовки специалистов» (11.04.2009 г., Полоцк)

Известно, что лингвистика и литературоведение как области научного знания на протяжении столетий боролись за свое самостоятельное существование и лишь в прошлом веке достигли столь горячо желанного статуса. Наряду с этим, данные дисциплины, имея общее основание, которым является язык, пересекаются, взаимодополняют друг друга и представляют собой две неотъемлемые составляющие филологического образования. На II Республиканском съезде учителей и преподавателей немецкого языка доктор филологических наук, профессор Минского государственного лингвистического университета Т. Глушак в своем докладе о состоянии и перспективах развития германистики в Беларуси справедливо отметила: «Немецкий язык и немецкая литература параллельно, но вместе с тем сообща должны составлять основу профессиональной компетенции германиста». С введением на историко-филологическом факультете специальности «Романо-германская филология» студенты получили возможность изучать языки и одновременно с этим значительно углубить свои знания в области литературоведения, а преподаватели оказались перед видоизмененной целевой установкой – воспитать не просто учителя иностранных языков, а филолога.

Вместе с тем можно констатировать как факт, что решение о переходе на новую специальность не было воспринято всеми и вся шквалом аплодисментов. Многие, и это, в первую очередь, касается преподавателей языковых кафедр, до сих пор высказывают свои опасения по этому поводу. Я озвучу лишь некоторые из них.

1. Не получится ли, что из-за большого объема художественной литературы у студентов не будет хватать времени на глубокое изучение языка?

2. Не ведем ли мы себя опрометчиво, вводя более сложную специальность, в то время как средний уровень знаний наших абитуриентов снижается?

3. Удастся ли развить у студентов достаточную языковую компетенцию в условиях уменьшения часов, отводимых на изучение первого иностранного языка?

В сложившейся ситуации естественным образом встает вопрос об особенностях и качестве преподавания иностранного языка в рамках специальности «Романо-германская филология». Сразу оговорюсь, что мое сегодняшнее выступление вряд ли может претендовать на роль доклада с глубокими выводами и готовыми рецептами, так как после введения новой специальности в нашем университете прошел всего год, рассматриваемый лично мною как год эмпирических наблюдений, которые, однако, уже сейчас можно и нужно анализировать.

Начну с цифр. Количество часов, отводимых на изучение первого иностранного языка, уменьшилось по сравнению с прежней специальностью на 386 часов (с 2494 до 2108 часов), при этом в данной статистической выкладке учитываются лишь часы аудиторных занятий. Как видим, цифра довольно значительная. Наряду с этим вызывает сомнение тот факт, что контроль знаний по всем теоретическим дисциплинам, за исключением теоретической грамматики, осуществляется в форме зачетов, в то время как в содержание государственного экзамена по основному иностранному языку, помимо прочего, входит вопрос по одному из теоретических аспектов лингвистики.

К спорным вопросам относится также отсутствие в новом рабочем учебном плане дисциплины «Экстенсивное чтение» на I, II и V курсах. Некоторые литературоведы придерживаются мнения, что данный предмет и ранее не имел большого значения, так как подразумевал работу над текстом художественного произведения с точки зрения развития языковых умений и навыков, а в рамках новой специальности и вовсе утратил всякий смысл. Вместе с тем первый опыт показывает, что отказ от дисциплины «Экстенсивное чтение» на начальных курсах ведет к образованию пробелов в знаниях, которые лишь с большим трудом восполнимы (*имеются в виду пробелы*) на других занятиях по иностранному